

МЕЖДУ ГИБЕЛЬЮ И СЛАВОЙ

КАРИБСКИЙ УРОК ЗВУЧИТ ТАК: ЕСЛИ В МИРЕ ЗАПАХНЕТ ПОРОХОМ, РУССКИЕ И АМЕРИКАНЦЫ ВСЕГДА ДОГОВОРЯТСЯ

Владимир Орлов,
президент
ПИР-Центра

«Н» овость о внезапном, неожиданном и практически немотивированном решении вывести ракеты вызвало слезы у многих кубинцев, которые были готовы погибнуть с гордо поднятой головой». Это Фидель. Фидель не образца полувекковой давности — революционер-романтик. Нет, это Фидель десятилетней давности, то есть уже той эпохи, когда ни Советского Союза нет, ни холодной войны, ни кубинской революционной романтики, — все в прошлом, а он — «готовы были погибнуть»... В ядерной-то войне?

Поведение Советского Союза во время Карибского кризиса больно царапнуло Фиделя. Так больно, что, как видно, до сих пор, спустя десятилетия, саднит. Он не забыл и не простил Москве, что с ним посоветовались только единожды, когда секретарь компартии Узбекистана Шараф Рашидов и главнокомандующий РВСН Сергей Бирюзов предложили ему разместить на Кубе ракеты и полк с тактическими ядерными боеприпасами. «Союзники и друзья в нас нуждаются», — сказал Фидель своим соратникам и дал добро.

Однако в течение 13 дней Карибского кризиса Фиделя и фиделевскую Кубу Хрущев просто игнорировал, говоря напрямую только с американцами. 27 октября Фидель не выдержал и написал эмоциональное письмо Хрущеву. Тот мгновенно ответил: «В своей каблোগрамме Вы предложили нам первыми нанести ядерный удар по территории противника. Вы, конечно, понимаете, к чему бы это привело. Это был бы не просто удар, а начало термоядерной войны». Как отрезал.

Что же получается? Хрущев получил обещание от Кеннеди, что ни Соединенные Штаты, ни их союзники в Западном полушарии на фиделевскую Кубу не нападут. Хрущев не скрывает в переписке с Кастро, что за это Фидель должен бы Москву поблагодарить, а не ворчать. Мир вздохнул с облегчением, что две сверхдержавы нашли в себе мужество отодвинуться от черты ядерного апокалипсиса (или струсилы благодаря взаимному ядерному сдерживанию, гарантировавшему взаимное уничтожение?). А Кастро в эти дни пишет Хрущеву: «Подавляющее большинство кубинцев в настоящий момент испытывает невыразимую горечь и печаль».

Потому что «друзья» Фиделя проигнорировали, использовали и «кинули». Так настоящие друзья не поступают, убежден Фидель, и до сих пор в Гаване многие уверены в этом. «И мы пришли к убеждению, что в случае прямого нападения на нас со стороны Соединенных Штатов советские люди никогда не вступили бы за нас в борьбу».

Если в Москве считали, что поддержали и спасли Кубу, то в самой Гаване до сих пор думают: даже если Москва и не хотела посвящать Гавану в тайны дипломатии между русскими и американцами, цену, которую Хрущев должен был получить за вывод ракет с Кубы, могла и должна была бы быть многократно выше. Не только вывод американских ракет из Турции, не только обещания нападения на Кубу, но и отказ со стороны США от курса на экономическое удушение Кубы, а также конец оккупации Гуантанамо, оборудованной под американскую военную базу.

Дальнейшая история слишком уж хорошую почву давала для тех, кто в Гаване сомневался, что Советский Союз — настоящий друг, и это несмотря на масштабную экономическую и военную

угаса, как поутас и революционный кубинский запал. В Гаване сумели выжить, кое-как выкрутиться и без помощи Москвы, что вообще-то не может не вызвать уважения. Нашли новых друзей, сменили революционный романтизм на бюрократический прагматизм. Кубе есть чем похвастаться перед соседями по региону, да и перед бывшим другом-учителем. И это не только бесплатные и качественные образование и медицина для всех, но и высокие технологии. Вспоминаю, как в середине нулевых посещал Институт биотехнологии под Гаваной. «А вы с российскими партнерами сотрудничаете?» — «Когда сотрудничали. Теперь нет. Мы слишком шагнули вперед. А вы остановились, отстали». «Правда?» — спрашиваю российских коллег — экспертов по биотехнологиям. «Правда», — отвечают. И в некото-

кризису пришла вполне мирная атомная энергия, на смену апокалиптическому XX пришел технологичный XXI... Не осилили, да и сами разуверились после Чернобыля, а потом было поздно.

Как-то все разговоры о российско-кубинском сотрудничестве последних лет опять сбивались с туризма и нанотехнологий на военно-стратегические темы. В декабре 2000 года приехал Владимир Путин, они с Фиделем побывали в Центре электронной разведки в Лурдесе, к югу от Гаваны. «Настроен он был очень дружелюбно», — вспоминает Фидель. Хотя сам Фидель удивился — он был тут впервые и увидел, по его словам, «людей, находившихся в изоляции», предлагая, что кубинцы разработают культурные, туристические программы для советских электронных разведчиков и их семей... Как нетрудно догадаться, не прошло и года, как Лурдес закрыли. «Это было одностороннее решение», — вспоминает Фидель. Но в этот раз оно его даже не царапнуло: постарел, привлек.

Но так ли справедлива затаянная обида Фиделя — и многих простых кубинцев старшего поколения — по поводу того, что Советский Союз предал их в Карибский кризис? Или же это был опасный эгоизм с его стороны? Мой друг, кубинский писатель и публицист Хорхе Феррер, говорит мне сегодня: это и хорошо, что в октябре 1962-го судьбу ракет и Кубы Хрущев и Кеннеди решали за спиной Фиделя. (Правда, говорит это Хорхе не в Гаване, а в Барселоне, где живет уже много лет.) Воинственную третью сторону так и следовало оставить в неведении переговоров по выходу из кризиса, потому что она одна — то есть фиделевская Куба — хотела не мира, но гибели или славы. Она не получила ни того, ни другого, считает Хорхе; или, может быть, того и другого вперемежку, и вот это-то положение, как между двух стульев — между гибелью и славой — продолжает создавать уникальный имидж и Фиделя, и всей Кубы.

Даже сегодня, полвека спустя, когда и Хрущев, и Кеннеди, и Карибский кризис — это все история прошлого века, Куба остается историческим заповедником — совершенно особым, притягательным в своей исключительности, даже если и мало кто помнит, что отсюда мог начаться конец света — и Нового, и Старого, когда столкнулись и смешались эгоизм и осторожность, страх и выдержка, недалекость и прозорливость; там не было мудрости, зато, глядя из октября 2012-го, мы говорим о мудрых решениях октября 1962-го. А то, что третий тогда был лишним? Так ведь разве только тогда? Даже и сейчас, где-нибудь в Тегеране или еще где-нибудь, хорошо выучили давний карибский урок: русские и американцы, если дело запахнет не «газетным», а настоящим порошком, между собой договорятся, без свидетелей, без рефлексий о том, что предадут «друзей». Ведь таким категориям, как друзья, в нынешних международных отношениях так же нет места, как им не было места полвека назад. Все определяло интересы, а может ли быть более сильный интерес, чем выживание? ■■

Апрель 1963 года. Хрущев и Кастро. Кубинский лидер произносит речь с трибуны Мавзолея во время митинга, организованного в честь его приезда в СССР

помощь Гаване, десятилетиями исправно приходившую из Москвы.

Давнишняя царапина вновь засадила в конце 1980-х. Я был тогда в Гаване и помню, как корабль с грузом зерна из СССР, который многие годы пунктуально причаливал в порт Гаваны, однажды оказался последним. «Братский интернационализм» сломался. А в сентябре 1991 года Михаил Горбачев во время визита в Москву американского госсекретаря Джеймса Бейкера объявил, что выводит с Кубы так называемую учебную бригаду — последние советские войска на острове. «Советские представители с вами по этому поводу консультировались?» — вопрос к Фиделю. «Нет. — отвечает, — чего им консультироваться. Они пребывали в полном упадке. Они никогда не советовались. Все, что они отсюда вывели, они вывели молча». Так поступают с вассалами. Не с друзьями.

Конечно, Горбачеву было в те месяцы совсем уж не до Кубы. Фидель это понимает. Даже называет Горбачева человеком «с благими намерениями».

В последние два десятилетия риторика дружбы-горечи-предательства как-то по-

рых других областях, например в нанотехнологиях, у кубинцев прорыв.

Может быть, главный показатель — ожидаемая средняя продолжительность жизни у кубинцев сегодня — 79 лет (у россиян — 67).

Уйдя с Кубы в начале 1990-х, Россия так и не нашла себя на Острове свободы, толком не вернулась. Вакуум заполнился на удивление быстро: пришли канадцы, пришли итальянцы; кому-то — никель, кому-то — сфера туризма. Кубинцы своими силами замечательно восстановили Старую Гавану — жемчужину Западного полушария. «Братская помощь» СССР шла как-то все мимо исторических памятников или объектов туристской инфраструктуры. Но, может, оно и к лучшему, учитывая странные архитектурные вкусы брежневской поры — этих монстров трудно было бы спрятать за пальмами. А вот что недостроили атомную станцию в Хурагу, по моему, жаль, это было дело жизни сына Фиделя — Фиделито, когда-то работавшего и в Курчатовском институте. Теперь там только остова — своеобразный «кубинский Казантип», а ведь могли бы показать, что на смену ядерному оружию и Карибскому